

К вопросу о природе разбоев в Новгородской земле в Смутное время

Попова Е.М.

*Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород (Россия)*

В представленном исследовании рассматривается период шведской оккупации Новгорода в начале XVII в. Предметом изучения в настоящей публикации явился документ о разбойном деле, хранящийся в архиве СПбИИ в «Коллекции Соловьева».

Цель статьи – внести существенные коррективы в устоявшиеся представления о разбоях, совершившихся в Новгородской земле в период Смутного времени: доказать, что новгородцы являлись не только жертвами грабежей и разбоев, но и сами совершали преступления подобного характера.

Материал и методы. *Анализируется документ «Отписка Федора Аминева новгородскому воеводе Анцу Мартыновичу Бою о произведенном в Ивангороде розыске относительно ограбления судна английского посла на реке Луге полужскими крестьянами и о высылке трех из них в Новгород». Методологической базой исследования являются общенаучные и историко-системные методы анализа, синтеза, индукции и дедукции.*

Результаты и их обсуждение. *Опираясь исключительно на нарративные данные, можно сделать вывод о том, что новгородцы были жертвами, которые терпели притеснения со стороны шведских оккупантов. Однако источник свидетельствует об участии в разбоях самих новгородцев, что не позволяет считать их исключительно жертвами массовых разбоев в Новгородской земле.*

Заключение. *К грабежам прибегали не только шведы, контролировавшие северо-запад Руси, казаки, поляки, но и сами мирные жители Новгорода, которые пользовались ситуацией ради наживы. Жертвами становились все, у кого можно было что-либо украсть: как новгородцы, так и иностранцы.*

Ключевые слова: *Смутное время, Великий Новгород, разбой, грабежи, шведская оккупация.*

(Ученые записки. – 2018. – Том 28. – С. 65–69)

To the Issue of the Nature of Robberies in Novgorod Land in the Time of Trouble

Popova E.M.

Novgorod State Yaroslav the Wise University, Veliky Novgorod (Russia)

The present study covers the period of Swedish occupation of Novgorod in the early XVII century. The object of the study in this article is the document about the robbery case, stored in the Archive of St. Petersburg in the Solovyov Collection.

The purpose of the work is to make significant adjustments to the established ideas about the robberies committed in Novgorod land during the Time of Trouble, namely, to prove that the Novgorodians were not only victims of robberies, but also committed crimes of this nature themselves.

Material and methods. *The document «Letter by Fedor Aminev to Novgorod Governor Ants Martynovich Boi about an investigation made in Ivangorod of the robbery of the British Ambassador's ship on the River Luga by Poluzhski peasants and the exile of three of them to Novgorod» is analyzed. The methodological base of the research is general scientific and historical-system methods of analysis, synthesis, induction and deduction.*

Findings and their discussion. *Based solely on narrative data, it can be concluded that Novgorod dwellers were victims who suffered oppression from the Swedish occupiers. However the source testifies to participation in robberies of Novgorodians, that doesn't allow to consider them only as victims of mass robberies in Novgorod land.*

Conclusion. *Not only the Swedes who controlled the North-West of Russia resorted to robberies, Cossacks, Poles as well as the civilians of Novgorod, who used the situation for profit also did it. Victims were all who could be robbed, both Novgorodians and foreigners.*

Key words: *Time of Trouble, Veliky Novgorod, robberies, Swedish occupation.*

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 28. – P. 65–69)

Дьяк Иван Тимофеев описывает плачевное состояние Великого Новгорода в начале XVII века в своем известном «Временнике»: «Увы! Теперь он со всеми его пределами взят обманом этими (врагами) как бы в вечное наследие, и шесть лет без малого оставался в чужих иноверных руках, всячески и явно каждый день ими попираемый и пожираемый» [1, с. 325]. Подобное скорбное описание положения города не является для нас чем-то необычным, ведь в начале XVII в. в России начался затяжной период Смуты, который прокатился по всей стране. Данный период вполне оправданно характеризуется тяжелым экономическим, политическим кризисом и разорением. О таком положении дел свидетельствуют не только русские источники, но и записки иностранцев, какое-то время имевших возможность находиться в России и наблюдать ситуацию воочию [2, с. 190–193].

Цель статьи – внести существенные коррективы в устоявшиеся представления о разбоях, совершавшихся в Новгородской земле в период Смутного времени: доказать, что новгородцы являлись не только жертвами грабежей и разбоев, но и сами совершали преступления подобного характера.

Материал и методы. В отечественной историографии тяжелое положение Новгородской земли в годы Смуты хрестоматийно связывают с появлением на северо-западной земле шведского корпуса во главе со шведским главнокомандующим Якобом Делагарди [3, с. 76–77, 699; 4, с. 99]. Делагарди был отправлен шведской короной в Россию после Выборгского договора с русским царем Василием Шуйским в качестве союзника в борьбе с поляками и самозванцами. Отечественные историки нередко рисуют нам печальную картину того, как новгородцы стали жертвами шведских узурпаторов, которые грабили и убивали мирное население. Безусловно, в реалиях тяжелой внешней обстановки подобные ситуации не являлись редкостью. Однако в данном ключе не стоит забывать, что положение в Новгороде стало плачевным еще до того, как шведы заняли город. Многие города и селения Новгородской земли были разграблены литовцами, московскими казаками и ворами [5, с. 308–309]. Так, П.В. Седов отмечает, что представитель ополчения Василий Бутурлин, отступая из Новгорода с казаками, повредил монастырские луга [6]. Так кто же занимался разбоем и терроризировал мирное население?

Шведы, поляки, русские? Какова природа грабежей в период Смутного времени, кто становился жертвой?

Для решения поставленных задач недостаточно обращения к нарративным источникам, т.к. они, зачастую носят субъективный характер и отражают оценку ситуации конкретным человеком. Так, например, нельзя целиком и полностью доверять свидетельствам дьяка Ивана Тимофеева, который был вынужден находиться в оккупированном шведами городе. Более того, дьяк столкнулся с рядом проблем, которые способствовали усилению недовольства. Также нельзя целиком опираться исключительно на данные русских летописей, т.к. в большинстве своем они скудны и однотипны. Необходимо рассмотреть документы административного характера, например следственные дела, которые дадут возможность не голословно утверждать, а объективно оценить ситуацию со всех сторон.

Большой фонд источников – материалы Новгородской Приказной избы, известные как Новгородский оккупационный архив (далее НОА) – Riksarkivet, Stockholm. Ockupation sarkivetfrån Novgorod. Series I, II, хранится в Королевском архиве в Стокгольме (Швеция) и представляет собой богатейший актовый материал, условно разбитый на две серии. В начале 2000-х гг. группа шведских славистов, возглавляемых Э. Лёфстранд и Л. Нордквист, при содействии российских ученых из Москвы, Санкт-Петербурга и Великого Новгорода подготовила и опубликовала полную и комментированную опись сохранившихся документов НОА в двух томах (Accountofan Occupied City: Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617 / Elisabeth Löfstrand and Laila Nordquist. Series I. Stockholm, 2005; Series II. Stockholm, 2009). Первая серия включает в себя таможенные, кабацкие, дозорные, кабальные, дворовые, лавочные, приходно-расходные книги; книги, связанные со сбором налогов, книги сбора судной пошлины и т.д. Материалы второй серии состоят из купчих записей, служилых кабал, отпускных, судных дел, судебных грамот, расспросных речей, ведомостей об оплате, обыскных грамот, росписей, мировых грамот, поручных записей, т.е. из отдельных дел, записанных на отдельных листах и склеенных в свитки. Однако часть материала НОА еще в XIX в. была вывезена профессором Гельсингфорского университета С.В. Соловьевым в Россию [7], и теперь хранится в архиве СПбИИ

в «Коллекции С.В. Соловьева» [8]. Данная коллекция представляет собой очень интересный материал, касающийся не только Новгорода, но и земель Центральной России за 1611–1697 гг. Для настоящего же исследования оттуда был взят один уникальный документ, который до этого нигде не упоминался и будет опубликован нами впервые. С помощью данного документа мы сможем частично приблизиться к ответам на сформулированные выше вопросы.

Результаты и их обсуждение. Этот документ – «Отписка Федора Аминова новгородскому воеводе Анцу Мартыновичу Бою о произведенном в Ивангороде розыске относительно ограбления судна английского посла на реке Луге полужскими крестьянами и о высылке трех из них в Новгород» [9] – представляет собой подлинник на полулисте с оборотом, печать утрачена. Сохранность текста и писчего материала хорошая. Документ датируется 30 июня 1616 г. Теперь познакомимся с содержанием источника: «Королевского величества воеводе Анцу Бою Мартиновичю Федор Аминев челом бьет.

Нынешняго сто двадцать четвертого году июня в двадцать первый день писал, государь, ко мне боярин и большой ратной воевода Яков Пунтосович Делагард по моей прежней отписке про посольскую рухлядь аглинского (имеется в виду английского – здесь и далее прим. авт. – Е.П.), которую громили в судех псковские шарпальники (*шарпанить – грабить, шарпальник – грабитель*), а достальную рухлядь подпирали (*подбирали*) полужские (*полужские*) крестьяне Иванко, да Левушка, да Гришка, и мне б их за то велети держати в тюрьме до его боярсково указу. А в роспросе и у пытки те полужские мужики мне сказали про аглинсково посла судно, как ево громили на Луге реке. Приходили де шарпальники из Пскову, атаман Прошка Хромой, а с ним казаков тринадцать человек. А сумерских крестьян не было. И как оне то судно громили и посольскую рухлядь розграбили оне де побирати достальные рухляди, чево оне с собою не подняли. Да с ними ж де ходили ис того же Полужья деревни Клескуши Фишко Носов да Трешка Ондреев да Ямсково уезда Ясегрибинсково деревни Гонкова Фетка Межжеринде Иванка с товарищем деревни Хинка с Ыванком взято быле тое посольские рухляди тряпок немецких пол десятка и иное мелкое платьишко и то де у них все пришед пограбили сумерские

волости крестьяне деревни Сары – Микитка с товарищем. А Ивушка Тимофеев деревни Клат в роспросе и у пытки сказал, что оне с казаки шарпать не ходили, а ходили де они Левушка с товарищи на завтрее шарпальницей погромни к тем судом и взял он Левушка той посольские рухляди, что казаки покинули: шляпу немецкую, да чулки, да две юпки немецкие вязеные белые, да сапоги немецкие, да попону лошадиную, да полог. А достальные лежит той рухляди шляпа, да чулки, да две юпки у него Левушки подтое ж деревнею в лесу от деревни наша верстах в двух. А Гришка сказал, взял де он две юпки немецких да кафтанишко русское да две рубашки муских (*мужских*) немецких и иное мелкое рухлядишко драное. И сведав де у него то рухлядишко имали его немецкие люди в Зарецкой острожек и его де пытали и он де тое рухлядь посольскую,

оборот

что он взял, отдал в Зарецкой острог немцом Раману Иванову да Аксер Мартинову, а в земте тое рухляди у него у Гришки отпустили ево домой и грамоту иво отпускную дали, а книги де и письмо немецкое збирали крестьяне Фишко Носов да Трешка Ондреев. А ныне оне приставают в той же Полуже в Дремьтцком погосте в деревни на Клетблиско от острошку, где ставили Фектист Муравьев. И мы о тех крестьянех к Феклисту писали, чтоб их сыскав прислал для сыску к нам в Ывангород. И Феклист по борской грамоте не послушал и крестьян в посольской рухляди сысквати не посылал и к нам их не прислал и приставом нашим ивангородским пушкарем в помоч немецких людей и русских не дал с ким было им тех воров крестьян переимати и письмо и книги посольское сыскати. А писал к нам, что де мне о том боярина указу нет, а вашево де я указу не слушаю, а для сыску поземсково дьячка по Агейка (да по старосту по старосту по Спирка) з братом, да по Сидорка Мазиху, да по Степанка Торокана, да по Микитку мы посылали и земской дьячек Агейко да и староста Спирко сказал, что оне в прошлом в сто двадцать третьем году по приказу воеводы Эверт Бремена сыскали у Микитки Сарского да у Сидорка Мазихи тое посольские рухляди купленные и что они взяли у полужских мужиков две, да шубу выдряную немецкую, да две юпки, да попону лошадиную, да штаны немецкие черная, да полог браной, да сермяга ветшаная, да скатерть ветшаная, да сукна ормянного, да белого локоть с пятнадцать, да юпка немецкая

драная и ту де оне рухлядь везли в Ывангород к воеводе Эверт Бремену и мы по боярской грамоте земского дьячка Агейка да старосту Спирка велели мы дати крепкую поруку з записью до боярского указу в Ывангороде. А Степанко Тороканшол в шарпальники недель с тритцеть, а Сидорка де Мазиханы нешняго сто двадцать четвертого года марта в двадцать восьмой день федь збежал в Шелонскую пятину, а Микитка Сарской живет избегаючи и мы по них и в другие послали сыскивати своих приставов и всею Сомерскою волостью сыскати. А велели их изымав (*изыскав*) привести к себе в Ывангород, а по сию пору тех крестьян в Сумерской волости изымав не смогли. А по указу боярина и большого ратного воеводы Якова Пунтосовича Деллагарда полуских мужиков Лешошку да Гришку да Иванка послали к тебе в Великий Новгород».

Исходя из документа, можно предположить, что судебному разбирательству дали ход ввиду жалобы, поступившей от пострадавшей стороны. Пострадавшим в данной ситуации оказался английский посол со своими людьми, а грабителями были псковские и новгородские крестьяне, которые поживились за счет имущества приезжих иноземцев. Виновных было решено привлечь к ответственности: допросить и держать в тюрьме до вынесения приговора. Найденное имущество иностранного посла у грабителей, часть из которого была спрятана после совершения преступления, было изъято старостами. Некоторые причастные к делу крестьяне начали скрываться, с этой целью было решено прибегнуть к сыску. По указу Якова Деллагарди троих крестьян велели отправить в Великий Новгород для более серьезных допросов и вынесения приговора.

Под пытками преступники говорят о конкретных лицах, причастных к преступлению (например, об атамане Прошке Хромом с казаками), и о том, что именно из имущества посла и его людей было украдено. Многие не видят серьезности своего преступления, ссылаясь на то, что они лично не крали, они лишь подобрали брошенное грабителями. В списке краденого перечисляются вещи, в основном, это вещи личного пользования, одежда (чулки, юбки, кафтаны, шуба и т.д.), вероятнее всего, не новые, т.к. при характеристике вещей используется слово «ветшая», т.е. старая, ношенная. О чем это свидетельствует? Скорее всего, крестьяне использовали ситуацию, чтобы поправить свое

материальное положение, т.е. продать или использовать награбленное. Данное обстоятельство говорит о том, что в реалиях Смутного времени общество было деморализовано и использовало любую возможность нажиться.

Сложно сказать, совершено ли было этими крестьянами преступление впервые или они давно стали бывалыми грабителями, промышлявшими подобными делами. Также не представляется возможным узнать, впервые ли были замечены данные люди за разбоем. Вполне возможно, что это была попытка возродить Береговое право, суть которого сводилась к представлению о том, что если судно прибило к берегу, то местные вполне вправе позволить себе пограбить, т.к. это «их» берег. Береговое право (лат. *juslitoris, seulitorale, seunaufragii*, франц. *droitdenaufrage*, нем. *Strandrecht*) – древний обычай прибрежных регионов. Он гласил, что все предметы, которые море выбрасывает на берег, будь то корабли или перевозившиеся на них товары, являются достоянием того, кто их найдет; при этом выжившие при кораблекрушении мореходы нередко подвергались насилию – их брали в плен в расчете на выкуп или даже убивали [10, с. 135]. Данный вывод мы можем сделать исходя из того, что произошло ограбление судна в рамках Новгородской земли, которой также было не чуждо понятие берегового права в предшествующий период истории [10, с. 141–143].

К сожалению, не представляется возможным проследить дальнейшую судьбу преступников, т.к. на данном моменте документ заканчивается. Мы не знаем, понесли ли новгородские и псковские крестьяне заслуженное наказание, однако тот факт, что виновников отправляют к воеводам в Новгород, свидетельствует о том, что дело не закрыли, а последовало дальнейшее серьезное разбирательство. Подобный вывод мы делаем исходя из имеющихся данных по документам НОА, где неоднократно прослеживается тот факт, что наиболее серьезные дела всегда отправлялись для рассмотрения в Великий Новгород к воеводам Якову Деллагарди и Ивану Никитичу Большому-Одоевскому – для пресечения обозначенных ситуаций и определения меры наказания виновных.

Заключение. Таким образом, в реалиях Смутного времени, которое характеризовалось тяжелой экономической ситуацией, сложным было положение многих людей, вне зависимости от их национальности. К грабежам при-

бегали не только шведы, контролировавшие северо-запад Руси, казаки, поляки, но и сами мирные жители Новгорода, в первую очередь, менее обеспеченные, пользовавшиеся ситуацией, как и все остальные, ради наживы. Жертвами становились все, у кого можно было что-либо украсть, т.е. обладатели какого-либо имущества, как новгородцы, так и иностранцы. И чем богаче и обеспеченнее был человек, тем вероятнее он становился жертвой ограбления. Следовательно, мы не вправе обвинять только иностранный элемент в совершении грабительских и разбойничьих действий. Однако, несмотря на наличие подобных преступлений, важно уточнить, что в период общей разрухи были предприняты попытки восстановить справедливость и наказать виновных в содеянном преступлении, что, на наш взгляд, является крайне важным ввиду поддержания порядка.

Литература

1. Временник Ивана Тимофеева / подг. к печ., пер. и коммент. О.А. Державиной; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. – М.–Л.: Издательство АН СССР, 1951. – 511 с.
2. Воспоминания Антониса Хутеериса // Коваленко, Г.М. Великий Новгород. Взгляд из Европы. XV – начало XX в. / Г.М. Коваленко. – СПб.: Европейский дом, 2010. – 456 с.
3. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен / С.М. Соловьев. – М.: Голос, 1994. – Т. 7–8, кн. 4. – 758 с.
4. Лихачев, Д.С. Новгород Великий: очерк культуры Новгорода XI–XVII вв. / Д.С. Лихачев. – Л.: Госполитиздат, 1945. – 103 с.
5. Тимошенкова, З.А. Дозорная книга Старой Руссы 1611 г. / З.А. Тимошенкова // Государство и общество в России XV – начала XX в.: сб. ст. памяти Н.Е. Носова. – СПб., 2007. – С. 308–315.
6. Седов, П.В. Захват Новгорода шведами в 1611 г. / П.В. Седов // НИС. – Великий Новгород. – 1993. – Вып. 4(14). – С. 116–127.
7. Коваленко, Г.М. Архивные изыскания С.В. Соловьева в Швеции / Г.М. Коваленко // Скандинавский сборник. – Таллин, 1988. – Т. 32. – С. 179–183.
8. Архив СПбИИ. – Кол. 124. – Оп. 1–2.
9. Архив СПбИИ. – Кол. 124. – Оп. 1. – Ед. хр. 580.
10. Бессуднова, М.Б. Береговое право Средневекового Новгорода: в продолжение дискуссии / М.Б. Бессуднова // НИС. – Великий Новгород, 2015. – Вып. 15(25). – С. 135–147.

Поступила в редакцию 21.12.2018 г.